

ВЫБОРГ В 1710 ГОДУ

Ю.И. Мошник

ВВЕДЕНИЕ

Взятие Выборга русскими войсками — одна из ярких страниц истории Северной войны. Как отмечал сам Петр I, Выборг стал «крепкой подушкой», обеспечившей «конечное безопасение» Санкт-Петербургу. События 1710 г. достаточно полно отражены в исторической литературе и даже (в очень кратком изложении) вошли в учебники истории. Однако есть еще вопросы, которым внимание либо не уделялось вовсе, либо оно было явно недостаточным. Так, в самых подробных исследованиях, каковыми являются «Двухсотлетие взятия Выборга» М.М.Бородкина и «Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 году» М. Васильева, почти не рассматривалось состояние города во время осады и бедственное положение населения Выборга. Практически отсутствует в литературе информация о жизни горожан в первые месяцы после перехода власти в руки русских военных. На наш взгляд, эти вопросы могут представлять интерес, поскольку они проливают свет на некоторые особенности тактики русских войск, отражают отношение к жителям завоеванных территорий и военнопленным в годы Северной войны.

ВЫБОРГ НАКАНУНЕ ОСАДЫ

В 1710 г. гарнизон Выборгской крепости, одной из самых мощных в Финляндии, насчитывал около 6000 человек¹. В первые годы войны в крепости проводились строительные работы, значительно усилена была её военная мощь. Комендантом крепости с ноября 1702 г. был Захариас Аминоф, командир пехотного полка Выборгской губернии. Полковник Аминоф был немолод (он родился в 1634 г.) и слаб здоровьем. 7 февраля

1710 г. на должность командира второго губернского пехотного полка был назначен полковник Магнус Шернстролле, с именем которого прежде всего связана история обороны Выборга в 1710 г. Шернстролле был сыном вице-президента надворного суда г. Турку; к моменту назначения на должность выборгского коменданта он уже имел опыт службы в этом же качестве в крепостях Ивангорода и Кексгольма. Таким образом, к началу осады в Выборге было два коменданта, один из которых по состоянию здоровья был почти нетрудоспособен, второй же еще недостаточно хорошо освоился, поскольку был только что назначен. Шведские войска под командованием наместника Георга Любекера (в этой должности с 1705 г.²) оставили город, поэтому в крепости оставался только собственный гарнизон и бюргерское ополчение (около 200 человек).

Что касается мирного населения, то указать его точное количество сложнее, оно составляло более 4000 человек³. В городском магистрате наиболее заметную роль играли представители самых знаменитых выборгских семей, потомки которых еще многие десятилетия спустя жили здесь. Это бургомистр юстиции П.Теслефф, бургомистр Брозерус, члены городской управы Руут, Липпиус, Теше, фон Борген.

В 1710 г. Выборг был центром епископии, но в трудный период осады выборгжцы оказались без поддержки главы церковной власти. В конце зимы особо ценные предметы из кафедрального собора были вывезены в Турку, а затем в Стокгольм; епископ отправился вслед за важным грузом, чтобы проверить доставку и участвовать в сессии парламента. Другой причиной отъезда епископа называют инспекционную поездку по храмам епископии. Как бы то ни было, именно во время этой поездки Выборг оказался окружен. Епископ так больше и не вернулся сюда. Кроме того, во время осады скончался выборгский капеллан Ристелиус, один из самых уважаемых в городе людей, поэтому кафедральный собор остался без «пастырей».

Поход русских войск к Выборгу

Осаде Выборга предшествовал долгий и исключительно тяжелый ледовый переход русских войск от острова Котлин. 21 февраля 1710 г. граф Ф.М. Апраксин получил указание царя «чтобы он собрався, шел под Выборг». Апраксин регулярно информировал царя, как развиваются события, есть в его письмах и упоминания о местном населении. Генерал-адмирал, например, отчитывался о том, что раздает жителям окрестных деревень «письма чтобы жили без опасения». По-видимому, такие бумаги большого доверия не вызывали, поскольку русским по-

стоянно приходилось бороться с поджогами. «21 числа в седьмом часу пополудни с кавалериею и с пехотными полками пришел благополучно и посад при Выборге овладели и пост заняли», — сообщал Апраксин Петру, — «где было неприятельских два полка, которые, не вытерпя от наших солдат жестокого наступления, принуждены отступить в крепость. Магазины смольные, также и артиллерные, сами зажгли и весь посад, сколько возможно трудились, чтобы сжечь, только наши солдаты того им делать не велели. При том наступлении взято от неприятелей капрал от драгун, да солдат пять человек и один музыкант и несколько других чинов. Которым начатым делом Ваше Величество поздравляю, а что взятые языки в распросе сказали, при сем посылаю... письменное доношение... При взятии посада убито от наших два человека солдат, раненых 12 человек, а неприятелей побито немалое число»⁴. Свидетельство Апраксина подтверждает большое значение, которое придавалось информации, полученной у местного населения. Сам Петр давал указания брать местных жителей и противников в распрос. В письме к Апраксину он сообщает: «Хотя уже чаю Вам известно, что неприятельская шквадра, в одиннадцати кораблях состоящая здесь явилась, однако же я не мог оставить Вам сего без ведения, того ради прошу, дабы Вы изволили труд свой приложить, дабы из сих неприятелей языков достать»⁵. Распросные речи взятых при Выборге языков, которые хранятся в РГА ВМФ (фонд Апраксина) и (в копии) в фондах ГМ «Выборгский замок», датируются мартом—июнем 1710 г., т.е. «полоняников» допрашивали на протяжении всего периода похода и осады. «В распрос» попадали люди разных сословий и занятий, набор же вопросов к пленным был достаточно стандартным: о присутствии в городе коменданта, количестве солдат, вооружения, наличии продовольствия. Так, взятая в марте под Выборгом вдова «сказывала что генерал маёра Либекера в Выборге нет...комендант новый приехал... а как его зовут она не знает...В Выборге сколько солдат не знает же. А конницы есть небольшое число...»⁶. Захваченный 5 мая «швец» показал, что «в Выборге солдат два полка да 4 батальона. А сколько в них орудий полянный того не знает...»⁷, взятый же 14 мая солдат «капитана Поландера» назвал 5 полков. Таким образом, показания пленников были чрезвычайно противоречивыми и неполными. Большой интерес русское командование проявляло к результатам бомбежки и артиллерийского обстрела, который велся почти непрерывно с 30 марта. Пленники единодушно указывают на значительные разрушения в городе и гибель населения: «от бомбы нашей в каменном городе великое разорение чинятица и палаты все разломало и людей много поубивало. Бедных людей в городе премного

с голоду поумирало», «в палатах и на улицах многих людей солдат и торговых поубивает...»⁸. Среди захваченных «языков» были и дезертиры, напуганные бомбежкой. 14 мая был взят человек из караула, показавший, что в то время, когда он находился на посту, «упала бомба, солдат раздавило, ушел он запросто»⁹. Во время бомбардировки жители прятались в погреба, а солдаты, по словам перебежчиков, оставались день и ночь на валах, опасаясь приступа со стороны атакующих. Кроме получения информации, «языков» использовали и как резидентов. В письме Петра к Апраксину от 21 мая содержится указание «каких-нибудь финских мужиков сыскать, ежели близко Выборга не сыщутся, то хотя из Корелы взять человек двух или трех с женами, и удовольствовав их деньгами, отпустить к Либекеру шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтоб они не солгали»¹⁰.

Осада Выборга

Уже в первый период осады русским войскам пришлось столкнуться с трудностями, вызванными нехваткой продовольствия и фуража. В своих отчетах Петру Апраксин сетует: «Жители финские все разбежались вглубь Финляндии... Где успеют, сено жгут и бегут в непроходимые пустыни... И такое, Государь, место пустое, истинно не можем ни в какой деревне соломы сыскать; а хлеба мужики, которые были в руках наших, клятвенно клянутся, многие сей зимы не видали, не только что едали»¹¹. Для местного населения второй поход русских войск был действительно настоящей катастрофой. В 1695 г. в Финляндии случился неурожай, и на следующий год смертность населения в Выборге возросла более чем в три раза — со 101 до 356 человек. На следующий год она увеличилась до 389 человек¹². В документах сохранились упоминания о лютом голоде, заставлявшем людей обгрызать собственные пальцы. По всей вероятности, особенно трудным для местных жителей оказался период с 1706 г., когда через окрестные деревни прошло русское войско во время первого похода к Выборгу, а затем, в 1708 году, шведское войско под командованием генерала Любекера, направлявшееся к Санкт-Петербургу. Отношения русских и шведов в этот период ярко иллюстрирует эпизод, рассказанный Шернстролле в письме Любекеру от 24 апреля. У русских были трудности с провиантом, что было особенно неприятно в пасхальные дни. Полковник писал: «Позавчера прибыл русский барабанщик и попросил вина и пива...», и комендант не смог отказать ему в этой просьбе. Кроме этого забавного эпизода, Шернстролле сообщает, что защитники крепости, как командование,

так и рядовые, не выказывали достаточной активности, отсутствие помощи со стороны флота не способствовало подъему боевого духа.

Ситуация, в какой оказался русский осадный корпус, была весьма сложной. Поначалу Апраксин рассчитывал на быстрый штурм крепости, который мог заставить защитников Выборга врасплох. Позиция Петра I была иной; он считал штурм предприятием «зело опасным», мотивировал свои слова тем, что «гварнизон... равняется числу атакующих, ... не имеется бреша и не разорены больверки..., ...гварнизон не утомлен гораздо»¹³. Однако, Петр и не запретил штурм, напомнив, что при любых обстоятельствах и исходе операции вся ответственность (или слава) будет возложена на Апраксина. Генерал-адмирал не решился рисковать, и вместо штурма город ждала долгая осада, исчерпавшая силы и защитников крепости, и самих осаждавших. Только подоспевшая в начале мая флотилия, на которой прибыло подкрепление, новые орудия и провиант, спасла положение. Выборгский гарнизон также ждал поддержки шведского флота, которым командовал адмирал Ватранг, но тот опоздал на два дня и уже не смог подойти не только к Выборгу, но даже к Тронгзунду (Высоцку). После того, как корабли прибыли к Выборгу, начался второй период осады, в котором перевес сил был в пользу русских.

14 мая Петр составил «Рассуждение о добывании Выборга», в котором содержались указания к штурму города с двух сторон. Детали штурма были утверждены на «генеральном консилие», который состоялся 6 июня. Среди установленных правил, по которым должен был проводиться штурм, было указание «смотреть тово накрепко, чтоб женского полу и малых младенцев и духовного чину не убивать», а также, чтобы по взятии города «грабительства никакого не чинили». В ожидании назначенного штурма, Апраксин обратился к коменданту крепости с предложением «сдаться на акорд какого желает», на что «комендант отвечивал честно и приказал словом, что де мне крепости без принуждения отдать не мочно, и буду держать, сколько будет возможно»¹⁴.

Капитуляция Выборга

С 1 по 8 июня на город русскими было сброшено более 900 бомб, о чем сообщает «Обстоятельная реляция о взятии града Выборга в 1710 году»: «Когда изо всех пушек и мортиров залпом выпалили, тогда всем жителям будучим в городе (которые хотя и в погребах сидели со всеми своими фамилиями) великой навело страх. Понеже многия дома испортило и тако оныя пушечная стрельба и метание бомб продолжалось даже

до 6 числа беспрестанно, отчего и сделался и великой брешь»¹⁵. 10 июня от Шернстролле в штаб русских прибыл подполковник с просьбой выпустить гарнизон на капитуляцию, с рядом условий. Апраксин настаивал на дискреции. Выборгский комендант повторял свою просьбу еще три раза в течение трех дней. Наконец 12 июня, получив позволение Петра Первого, Ф.М.Апраксин отправил в город капитана Семена Нарышкина, который предоставил Шернстролле условия капитуляции. Среди указанных в этом документе пунктов значилось, что «купцы, ремесленные и духовные и прочие да будут содержаны при их вере в милости и призрении по обычаю. Поселяне отпустятся по их землям»¹⁶. В ответ на следующий день поступила «Последняя резолюция» за подписью Шернстролле (в русском документе его фамилия переименована в «М.Стирн-Страл») и Эрнста Фридриха Тромпейна, в которой подтвердились все предложенные аккордные пункты, т.е. капитуляцию крепости можно было считать состоявшейся¹⁷. Однако обещанные условия были тотчас нарушены «за многия с неприятельской стороны неправды чиненные против Его Царского Величества...», и гарнизон был взят в плен. Плена избежали только раненые, больные, а также дети и вдовы убитых солдат. В документе «Об отправке графом Боцисом из Выборга пленных, раненых и больных с женами и детьми к шведским военачальникам» указана цифра в 1016 человек¹⁸.

Сдавшийся выборгский гарнизон состоял из 3880 человек, в том числе 156 офицеров и чиновников и 3724 нижних чинов. Потери шведов убитыми составили около 2500 человек¹⁹. Многие военнопленные были впоследствии отправлены в Сибирь.

Сразу после взятия Выборга составлены были списки ремесленников и торговых людей Выборга. Согласно описи, в Выборге было 32 купца, 8 сапожников, 7 кузнецов, 4 ткача, по 3 бочара, мясника и плотника, по 2 каменщика, золотаря и рыбака, а также оловешник, оконщик, столяр, канатчик и т.д.²⁰ В документе от 15 июня указано, что «по Выборху всего обетае 4926 человек»²¹. Что касается судьбы мирного населения после того, как в город вошли русские войска, то в «Записках Юста Юля» содержатся сведения, которые также противоречат заявленным условиям капитуляции. По словам датского посланника, «горожанам ...велено было объявить, чтобы они оставались при своих домах и имуществах и присягнули царю, что они и исполнили. Русские офицеры и солдаты уводили в плен всех женщин и детей, попадавшихся им на городских улицах. Дорогою я встретил между прочим одного русского майора, который имел при себе девять взятых таким образом женщин. Царь тоже получил свою часть, в подарок от других лиц. Иные пользо-

вались своими пленными в качестве прислуги в доме, другие отсылали их в свои дома и имения вглубь России, третьи сохраняли при себе. Когда я вернулся в Петербург, женщин и детей продавалось повсюду сколько угодно задешево, преимущественно казаками»²². Среди прочих, была взята в плен жена коменданта Захариаса Аминофа. Сам Аминоф, оставшийся в Выборге, скончался вскоре после капитуляции, осенью 1710 г.²³

Потеря Выборга была серьезным ударом по военной мощи Швеции и тяжелым испытанием для жителей города. «Ключ к Финляндии» достался России.

15 июня Апраксин устроил торжества на Сииканиеми. «...В городе и в лагере победа торжествовалась пальбою из всех орудий: войска стреляли также из ручного оружия. Генерал-Адмирал задал на Сихенгейме пир. При осаде Апраксин был главнокомандующим, сегодня царь пожаловал его кавалером ордена святого Андрея. Генерал-майоры Брюс и Биркхольц получили по царскому портрету, украшенному драгоценными камнями»²⁴. На следующий день, после приезда в Выборг А.Д.Меншикова, праздник был продолжен. Через несколько дней Петр, оставив в качестве временного управляющего Ф.М.Апраксина, а в качестве коменданта — Григория Петровича Чернышева, отбыл в Санкт-Петербург. В городе оставалось шесть русских полков и 1800 человек раненых и больных²⁵. Некоторые полки, принимавшие участие в осаде, отошли к Петербургу, большая часть направилась к северо-востоку перешейка, продолжив наступление на Кексгольм. Оставленные на первое время в Выборге казачьи войска и некоторые другие подразделения группами отправлялись в столицу. Так, Чернышев сообщает (в письме от 6 июля), что «астраханских стрельцов 100 да донских казаков 72 отправил в Санктпетербург»²⁶.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ

Новому главе Выборгской губернии пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Состояние города и его зданий, сложности во взаимоотношениях с местным населением, неопределенность границы и близость шведских пехотных патрулей и флота, перебои в доставке провианта — все это делало управление новыми территориями хлопотным и опасным. Для координации действий Апраксин 21 июня дает «пункты», регламентирующие взаимоотношения выборгского военного командования с населением и порядок отчетности и взаимосвязи с Санкт-Петербургом. Текст этого весьма любопытного документа гласит²⁷:

Доношение

Ответ

Правиант...откуда будет прислано?

Из Санкт-Петербурха

Афицеров и солдат денежное жалование от ково требовать?

От ково доселе было

В крепость...на взморье посылать поскольку человек для смотра по времени?

Смотря времени до сентября, а с сентября с половины пушки взять в город, а там на лодках мало караула добавить до зимы

Ежели же пожелают городские обыватели писать в наши города или в неприятельскую сторону, пожелания их исполнять ли?

В нашу сторону писать, а письма (в неприятельскую сторону) запретить

Когда от неприятеля ... интереса будут до меня писма на оные ответствовать ли, также ежели явятца дезертиры х кому отсылать?

О всем писать в Питербурх

На вопрос о том, как поступать с обывателями, от которых «будет какая противность», последовало указание чинить расправу здесь «для других страха». Количество конницы «для разъезду и для посылок» оставлено было на усмотрение местных властей «по препорции полков здешних». Почтовая связь с Санкт-Петербургом должна была осуществляться казаками (о том, как комендант крепости рассчитал «препорцию», есть информация в его письме к Меншикову от 6 июля. Г.П.Чернышев писал: «в посылку оставил конных да наших казаков 200 человек»²⁸). По тому же документу был оставлен «добрый инженер или помощник» «для строения крепости» — де Лапатриер или Роцман. Некоторая свобода была дана в определении людей для городских работ — «по работе смотря». Поскольку город оставался на военном положении, запрещено было отпускать солдат «для нужд своих в дома».

Регламентированы также были и торговые взаимоотношения как с русскими, так и с финскими купцами: «Ежели чухны станут привозить для продажи или покупки, в город пускать ли? — Не пускать, а торг сделать за городом, и для того торговых всех работников поименно переписать». «Ежели будут приезжать с нашей стороны торговые люди и пожелают жить в Выборхе, места в крепости отводить ли и о торгах бес пошлин на какое время их обнадеживать? — Места или пусть двory отводить, а о пошлинах учинить против иных взятых городов».

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1710 ГОДА

После взятия Выборга первостепенной задачей военных властей города стало восстановление его укреплений и жилых зданий. Яркую картину разрушений приводит в своих записках Юст Юль: «я обошел город (и) осмотрел его. Разорение, которому он подвергся от пожаров, ядер и бомб, не поддается описанию; большая часть его домов разрушена до основания; прочие же так повреждены, что стали почти необитаемы»²⁹ Поскольку военные действия на Карельском перешейке продолжались, большая часть русских войск оставила Выборг, и восстановление города легло на плечи тех солдат, которые оставались здесь, военнопленных, а также большого количества крестьян и каторжников, присланных сюда специально для «городовых работ». Тот же Юст Юль отмечает, что по пути в Петербург он «встретил 2000 крестьян, шедших из Петербурга в Выборг для восстановления (его) стен, разрушенных выстрелами...»³⁰

Григорий Петрович Чернышев регулярно отчитывался об организации работ и о их результатах. Так, в «Табели, коликое число на которой работе командировано офицеров и при них для наряду за работными людьми урядников, солдат и работных людей» от 6 июля 1710 г. он сообщает, что работы проводились «у кирхи, у мосту на первом болварке, на другом болварке, на каменном болварке, у артиллерного погреба»³¹. В работах было задействовано 8 офицеров, 16 урядников, 62 солдата «для наряду», 40 солдат «в плотниках», 11 солдат «обрешиков», 1950 работных людей и 200 каторжных. 300 человек было командировано на работу в замок³². Что касается проделанной работы, Чернышев сообщает, что «по мосту на первом болварке с одной стороны срублено 16 рядов и зделана бойница. От верху мост намошен землею з двух сторон и сверху осыпана обита машинами... (на) болверке на другом углу пушено вводу тарасов 14 рядов мерою на полтрети сажени 3 аршина и нагужен камень, подошва утверждена насыпана землею. На другом болварке кругом всего срублено тарасов 4 ряда и наошено земли ввышину на(д) тарасами сажени напoltоры. На каменном болварке изнутри срублено с 4-х сторон тарасов по 9 рядов и оные тарасы на оные стороны землей насыпаны полны, а на другой стороне насыпана половина. В замке, по которому месту бито было и спущен которай, земля осыпалась. Этою землю носла(ли) наверх, также которые полаты, погребы каменные разбиты... С погребов камен и кирпич выносить вон... Которые лестницы были готовлены к штурму все сношены в городе. Вчерашняго

числа привезено к городской работе дерну 1100 дернин 50 брусом»³³ Подобного рода укрепления с использованием земли и дерна строились на протяжении всей Северной войны. В «Очерках по истории Петра Великого и его времени» С.Князьков приводит описание подобных укреплений в Пскове: «палисады ставили с бойницами и около палисад окладывали с обеих сторон дерном: а на работе были драгуны солдаты и всяких чинов люди и священники и всякого церковного чина, мужеска и женска пола; а башни насыпали землею, а сверху дерн клали...»³⁴ Кроме постройки тарасов (турусов) для укрепления башен, проводились и другие ремонтные и хозяйственные работы. Чернышев пишет, что «также работники и солдаты починивают всякие в городе батареи и чистят в разных местах и ставят пушки»³⁵. Условия городской работы были, вероятно, очень тяжелыми. В документах РГА ВМФ имеются сведения о побегах «каторжных невольников» из Выборга.

После осады в Выборге оставалось немало артиллерийских орудий (как русских, так и трофейных, полученных после сдачи Выборга на аккорд), однако из Петербурга привозили и новые пушки. В письме Г.П.Чернышева А.Д.Меншикову есть такие строки: «по написании сего получил я от Вашего Высочества из Санкт-Петербурга сего июля 5 дня послана пушка трехфунтовая, на казачьих лошадях послана, на подводе, которые привозят провиант»³⁶.

Не менее строгой отчетности подлежали поставки провианта, состояние гарнизона, вооружения, кораблей. В «Регламенте, сколько в нижеименованных полках при Выборге обретаца водяных судов налицо также и в расходе июля по 9 число» указывается 147 кораблей (соймы, шлюпки, корбасы, лодки большие, средние и малые)³⁷. В табелях о состоянии гарнизона Чернышев указывал количество офицеров, урядников и рядовых — как состоящих на службе, так и находящихся в отпуске по болезни.

Что касается поставок провианта в Выборг, они, как и в период осады, шли, в основном, из Петербурга. Сразу после капитуляции Выборга был составлен отчет «что в Выборге в гарнизоне провианту»³⁸. Запасы продовольствия оказались незначительными. Уже в конце июня (28 и 29 числа) Чернышев сообщал, о том, что в город доставлены 254 подводы «которые везли провиант к Выборгу... подводчиков солдат полков которые пошли по Корелу взяли»³⁹ Поставки продовольствия осложнялись присутствием в непосредственной близости от города шведского флота и патрулей. А.Д.Меншиков запрашивал 16 сентября 1710 г. Апраксина: «Просим Вашего превосходительства (чтобы) Вы нам дали знать, когда шведский флот уйдет... О том паки прошу, ибо в том...

зависит, когда чтоб нам по отступлении того флота успеть отправить к Выборгу на судах провианту...»⁴⁰ Опасения светлейшего князя не были беспочвенными. В отчете Чернышева от 27 августа «что прислано из Санкт-Петербурга провианту... и что за раздачей сентября по 1 число» в списке дворян, поставлявших муку и сухари, упоминается Тимофей Валуев, «которого на дороге разбила неприятельские» патрули и который «собрав с земли привез 191 куль»⁴¹ Вероятнее всего, были постоянные поставщики фуража, так как в документах называются одни и те же фамилии (Афанасий Забыхин, Иван Раздеришин, Григорий Косаговский, Семен и Герасим Тыртовы, Иван Скоробогатов, Григорий Самороцкий, Гарам Протопопов и др.). Помимо дворян, продовольствие в Выборг доставляли военные. Распределяли муку, сухари и крупы между дивизиями генерал-майоров Брюса и Берхгольца, полками, отправляемыми из Выборга в Петербург, ранеными и больными, часть продуктов сдавали в магазин. Поставки осуществлялись как по суше, так и водным путем. «Провиантские суда» из Санкт-Петербурга шли к Березовым островам, а оттуда фураж доставлялся в Выборг солдатами. На островах находился русский караул, однако шведы много раз пытались захватить этот стратегически важный пункт. Г.П.Чернышев в письме А.Д.Меншикову докладывал: «Светлейший князь, премилостивейший государь, прошлого сентября противу 27 дня шведские корабли (у) Березовых островов была шведская партия и вышли на берег выше наших караулов, кои стоят на взморье у батареи на Санкт-Петербургскую сторону, и напали на наших солдат, кои были для привозу в Выборг брусу и тесу, а что учинено при сем ведомость»⁴² Через несколько дней после описанных событий шведы подошли вплотную к Выборгу, что особенно затруднило связь со столицей, которая, впрочем, не прервалась окончательно. Чернышев вспоминал, что «в том 1710 г. с 1 октября по 4 декабря» город «был в блокаде». «Неприятельская армия отступила 10 декабря, а корабельный флот отошел 15 декабря; а в то время оставалось на гарнизон провианту на 3 дня, и с провиантом пришли от Кронштадта шкуты 23 декабря и за льдом не дошли до Выборга 16 верст, и для привоза означенных шкут пилили лед и оные к Выборгу привели; было мне 38 лет»⁴³. В последующие годы шведские войска также близко подходили к Выборгу, и до подписания Ништадтского мира граница оставалась весьма условной. Согласно документам из Государственного архива Швеции, использованным профессором Г.Парландом при подготовке статьи «Об одной загадочной фазе Северной войны», шведы настолько свободно чувствовали себя на территории, формально уже принадлежавшей России, что устраивали на ней летние лагеря для солдат.

Оставшиеся в Выборге шведские раненые оказались после капитуляции города на положении военнопленных. Поскольку русские все еще опасались нападения шведов, информация, которую можно было получить у этих пленных, оставалась актуальной. 2 октября 1710 г. Г.П.Чернышев писал А.Д.Меншикову: «Вчерашнее число швецкий капитан, который оставлен в Выборге за болезнью Стерн-Кринц (Шернкранц? — Ю.М.) подал ныне ведомость, которой еще розыск не оказан, с которых допросов копию при сем посылаю»⁴⁴. Если с шведскими военнопленными ясность все-таки была, то вопрос о том, как поступать с русскими, которых шведы отпустили из плена, оставался нерешенным вплоть до конца года. Очевидно, что русское командование опасалось, что возвращающиеся солдаты могут быть завербованы шведами, поэтому было решено содержать их в своего рода «карантинных зонах», не допуская их в город. В ответ на такой приказ командования, комендант Выборга отчитывался: «Указ от Вашего Высочествова из Санкт-Петербурга декабря 24 дня я в Выборге получил нижеписанное число, в котором писано, что присланных из шведских полков наших пленников не принимать, а которые будут присланы или выходцы чтоб таким через описанный способ бросать хлеб, а с ними не ходитца. И по вышеозначенному указу присланный от шведских полков капитан отпущен..., а полоняников велел я... до указа пять весть не доходя в Выборх в пустой деревне и выслать им продуктам(и) правиянту. Им наказал указ под смертным штрафом чтоб с того места никуда бы они не ходили... В пустой деревне по тому же указу отказанный правиянт отсылается повся месяцы, и припускать близко никого не велено»⁴⁵. К этому можно добавить, что вопрос об обмене военнопленными между Россией и Швецией решался еще несколько лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена государственной принадлежности Выборга в 1710 г. не начала для города окончания многовекового русско-шведского противостояния. Жизнь пограничных земель никогда не была спокойной, но рубеж XVII–XVIII столетий оказался для Выборга особенно сложным. Северная война принесла разорение и голод местному населению, город был разрушен почти полностью, пострадали даже расположенные вне городских стен земельные угодья. Переписка коменданта крепости Г.П.Чернышева с А.Д.Меншиковым дает представление о том, что Выборг фактически продолжал оставаться на военном положении даже по окончании осады. Первое время он находился в сильной экономической зависимости от Петербурга, откуда шли поставки продовольствия и

артиллерии. Все управление территорией детально регламентировалось приказами из столицы. Присягнувшие в верности российскому императору горожане заняты были восстановлением разрушенных домов и налаживанием быта. Только по подписании Ништадтского мира в 1721 г. жизнь в Выборге вернулась в обычное русло.

БИБЛИОГРАФИЯ

- СПБНИИ РАН, ф. 83 (фонд А.Д. Меншикова)
РГА ВМФ, ф. 233 (фонд Ф.М. Апраксина)
Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М. 1899
Из «Записок графа Г.П. Чернышева. 1672–1745 гг.» (опубликованы в кн. «Петровский сборник. СПб. 1872. с. 4–7; выдержки из «Записок» — машинопись в биб-ке ГМ «ВЗ»).
- Сборник Военно-исторических материалов. Вып.V. СПб. 1893
Бордкин М. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб. 1910
Деяния Петра Великого. XII. М. 1789
Князьков С. Очерки из истории Петра великого и его времени. СПб, 1914
Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 году. М. 1953
J.W. Ruuth. Viipurin Kaupungin historia. Osa II. Lappeenranta. 1974.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 году. -М.1953. с. 29.
- 2 J.W. Ruuth Viipurin Kaupungin historia. Osa II.-Lappeenranta. 1974. s. 410.
- 3 J.W. Ruuth Viipurin Kaupungin historia. Osa II.-Lappeenranta. 1974. s. 414.
- 4 Васильев М. Осада и взятие выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М. 1953. С.47.
- 5 Деяния Петра Великого. XII. М. 1789. С.136.
- 6 РГА ВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.7, л.1.
- 7 Там же, л.28.
- 8 РГА ВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.7, л.28.
- 9 Там же, л.32.
- 10 Деяния Петра Великого. XII. М. 1789. С.138.
- 11 Сборник Военно-исторических материалов. Вып.V. СПб. 1893, с.89.
- 12 J.W. Ruuth Viipurin Kaupungin historia. Osa II. Lappeenranta. 1974. S.410
- 13 Деяния Петра Великого. XII. М. 1789. С.124–125.
- 14 Бордкин М. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб. 1910. С.13.

- 15 Сб. военно-исторических материалов. Вып.V. С.120.
- 16 Там же. С.121.
- 17 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3661, л.1.
- 18 РГА ВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.2.
- 19 Бордкин М. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб. 1910. С.15.
- 20 РГА ВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.6, л.437.
- 21 РГА ВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.6, л.435.
- 22 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М. 1899. С.220.
- 23 J.W. Ruuth Viipurin Kaupungin historia. Osa II. Lappeenranta. 1974. S.414.
- 24 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М. 1899. С.217–218
- 25 Из «Записок графа Г.П.Чернышева. 1672–1745 гг.» (опубликованы в кн. «Петровский сборник. СПб. 1872. С.4–7; выдержки из «Записок» — машинопись в биб-ке ГМ «ВЗ»).
- 26 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3696, л.1.
- 27 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3672, л.1.
- 28 СПб ИИ РАН, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 3696, л.1.
- 29 Записки Юста Юля ... С.218.
- 30 Там же, с. 221.
- 31 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3699, л.1.
- 32 Там же.
- 33 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3699, л.1 (об.)
- 34 Князьков С. Очерки из истории Петра великого и его времени. СПб, 1914. С.65.
- 35 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3696, л.1.
- 36 Там же, л.1(об.)
- 37 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3704, л.1.
- 38 РГА ВМФ. Ф.293, оп.1, ед.хр.6, л.420.
- 39 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3682, л.1.
- 40 РГАВМФ. Ф.233, оп.1, ед.хр.6, л.26.
- 41 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3787.
- 42 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3882, л.1.
- 43 Из «Записок графа Чернышева...».
- 44 СПбИИ РАН. Ф.83, оп.1, ед.хр.3882, л.1.
- 45 Там же, ед.хр.4070, л.1–1об.